

«Музыка — это то, чем я занимаюсь всю жизнь»

Дмитрий Матковский — один из основателей популярной в 80-е годы группы «Мануфактура» и бывший гитарист авангардной рок-группы «Аукцыон». Детство его прошло в Сестрорецке, о чем он с теплотой вспоминает. Сейчас Дмитрий занимается живописью, являясь художником-абстракционистом. Этой зимой в «Лавке художника» на Невском прошла его первая в России персональная выставка.

— Дмитрий, расскажите о своем детстве.

— Я в большей степени ощущаю себя рожденным в Сестрорецке, чем в Ленинграде. По одной странной причине — меня перевезли в Сестрорецк в 5 лет, и я забыл все, что было до этого. Самое яркое воспоминание из детства — это как мы ходили с бабушкой до вокзала, где в ресторане она мне покупала бутерброд с маслом в форме розочки, в которой была капля черной икры. Я никогда не ел его там, а приносил домой, снимал с него масло с икрой и делал два бутерброда из одного. Это мне дико нравилось.

Я жил возле школы №324, а мой детский садик находился за железной дорогой по пути к Курорту. Автобус стоил дорого, и мы ходили пешком, поэтому зимой, когда было холодно, это было для меня просто мукой. Все же остальное в Сестрорецке для меня было блаженством. Я гулял так самозабвенно, что даже забывал прийти пообедать.

— Вы основали группу «Мануфактура» еще в школе. Как это было?

— В старших классах я учился в физико-математической школе №30 в Ленинграде. Там я познакомился с Олегом Скибой и Андреем Ушаковым, и мы создали группу. Летом после окончания 9-го класса мы, как все дети того времени, поехали на картошку и там сделали рок-оперу под названием «Сказка о попе и его работнике Балде». Музыка частично была заимствована у Пола Маккартни. Потом мы играли на танцах в школе, а затем уже в институте. Когда настало время уходить в армию, мы решили, что надо записать то, что сделано. Я нашел хороших музыкантов, и мы отрепетировали программу, еще не понимая, где будем записывать.

С 1981 года я ходил в рок-клуб, который находился рядом с моим институтом, и наша группа там была зарегистрирована, хотя нигде толком не играла. Поэтому я пришел к ним и сказал, что у нас отрепетирована программа и есть известные музыканты. Мне сказали, что мы должны показать программу, но

времени до фестиваля оставалось мало, и я принес запись с репетиции. Им понравилось, и мы выступили на фестивале. Мы были первой группой, победившей на первом рок-фестивале. Впоследствии оказалось, что и последней. Потому что начиная со второго фестиваля победителей заменили лауреатами. А потом продюсер Андрей Тропилло предложил нам записать у него пластинку. И все получилось так, как мы хотели.

— Почему вы стали музыкантом и выбрали именно рок?

— Наверно, большинство мальчиков и девочек мечтают быть популярными. Я думаю, что это главная причина, почему я стал музыкантом. А рок я выбрал, потому что остальное мне просто не нравилось.

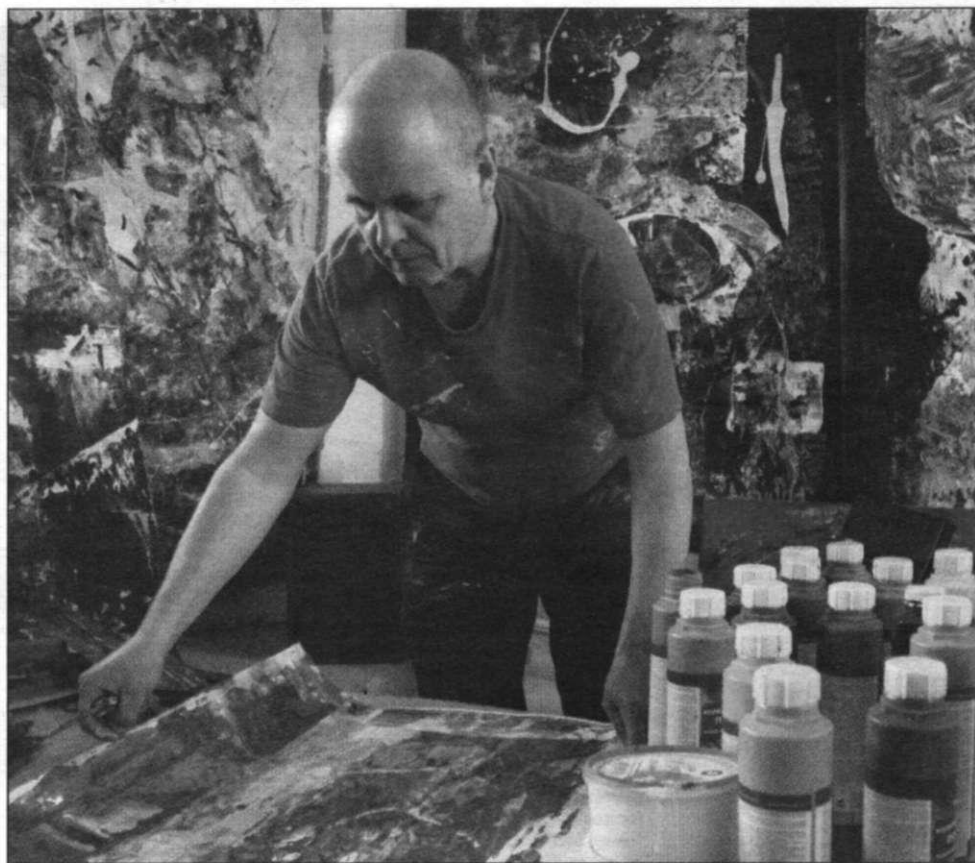
До 1981 года я вообще не слушал русской музыки, она меня просто раздражала. Мое музыкальное образование началось в Сестрорецке. К концу 1975 года вышли все лучшие западные пластинки, и благодаря моему другу Володе Скаковскому я услышал то, что стало основой моего музыкального воспитания. Мы сидели перед приемником VEF и ловили ритмы зарубежной эстрады на «Радио Люксембург». Один раз в 1980 году я сходил на концерт «Машины времени», о которой много тогда говорили, и мне понравилась только одна песня — «Пока горит свеча». Среди моих друзей с детства считалось плохим тоном слушать советскую эстраду.

— Как ваш друг доставал зарубежные пластинки?

— Там был мальчик, папа которого ходил в плавание и привозил пластинки, которые они продавали или меняли — тогда в моде было заниматься фарцовкой. Для этого ребята ездили в Репино или в Зеленогорск. Мы тоже ходили на дорогу, где ездили финны, за жвачкой, но я не мог перебороть себя и попросить. У меня получилось это только один раз, когда один мальчик подошел к машине и стал сильно жестикулировать. После чего финн опустил стекло, и в этот момент я подбежал к нему и с мольбой в глазах протянул руку. Было стыдно, особенно после того, как финн открыл бардачок, полный жвачки, и кинул нам ее на дорогу, а мы стали ползать и собирать ее в пыли. Это было такое счастье, как если сейчас ребенку подарить самолет.

— Почему вы ушли из группы «Аукцыон»?

— Возникла ситуация, когда часть людей хотела идти по пути фри-джаза, а другая — заниматься свободной аранжировкой. Апо-

феозом этого конфликта стала запись группы «Аукцыон» в 1995 году альбома «Жилец вершин» с голосом Алексея Хвостенко на стихи Велимира Хлебникова. На нем три произведения мои, два — саксофониста Коли Рубанова, остальные — Лёни Федорова. Самое смешное, что произведения Коли Рубанова аранжировали мы с Лёней. Он приходил, играл, а дальше делайте с этим что хотите. По сути, концепцию альбома придумали Лёня Федоров, я и прекрасный оператор Алексей Ананьев. Мне было интересно сидеть в студии и придумывать новое, двигаться вперед, а не только ездить с концертами. Лёню Федорова интересовало то же самое, поэтому он переехал в Москву и стал делать свои сольные песни.

Была идея сделать измененный состав, но все осталось так же, только без меня. Мне понравился последний концерт группы «Аукцыон», но считаю, что как она забуксовала в 1995 году, так и не выбралась из этого состояния. Они играют старое, но в свежем прочтении, и получается такая затянувшаяся песня. До 1995 года мы были группой, которая все время развивалась, двигалась вперед. На мой взгляд, каждый новый альбом был для России открытием в смысле звукозаписи, сочинительства и аранжировки, а теперь это коллектив, который играет просто сольники Лёни Федорова.

Возможно, я ушел еще и потому, что устал от музыки и хотел сделать перерыв. Когда я захотел вернуться, то занялся симфонической музыкой, потому что я не тот гитарист, который может играть что угодно, лишь бы были ноты.

— Как группа «Аукцыон» решила на эксперимент с бардом Алексеем Хвостенко?

— Одно время у группы «Аукцыон» мейнджером был француз, поэтому мы часто бывали в Париже, где нас познакомили с Алексеем Хвостенко. Нам он настолько понравился, что мы решили спеть его песни, хотя понимали, как трудно будет из них извлечь рокерскую суть и не стать оформлением барда. Например, на песню «Не вижу птиц я» на мелодию Джима Паркера я придумал записать только его голос, который положили на его же странные стуки. Это было сложно сделать, потому что Хвост не мог петь без гитары. Так появился первый альбом «Чайник вина» на стихи Алексея Хвостенко. Я не называю это роком, это больше попытка оформить барда в другом музыкальном стиле.

Когда мы стали работать со вторым альбомом Хвоста «Жилец вершин» на студии «ЛСД-Фильм», он стал для нас уже духовным лидером, поэтому все получилось органично.

— Насколько гитарист является свободной личностью?

— В группе ты играешь определенную гармонию, мелодию, ритмику, и если начинаешь импровизировать, то кардинально меняешь стиль. Поэтому в последние годы я много играл на барабанах, там нет такой полифонии, как на гитаре. Барабанщик является свободной натурой, может менять ритм и темп, и мне это нравится.

— Почему вы стали художником?

— Когда я жил в Сестрорецке, то ходил в дом пионеров и школьников в кружок рисования, его вел учитель, живший в моем дворе. Чему меня учил педагог, я совершенно не помню. Главным был конфликт того времени, который остался со мной на всю жизнь. Я хорошо рисовал с натуры акварелью, получалось как на фотографии, но совершенно ничего не мог выдумать и сильно переживал из-за этого.

Вернувшись примерно через 40 лет к живописи, я понял, что хочу рисовать только из головы. Мне хотелось свободы, и по сей день, когда я начинаю вырисовывать какую-то узнаваемость, то для меня сразу теряется магия живописи и сочетания красок. По большому счету мое творчество называется абстрактным экспрессионизмом, это когда ты выражаешь свои эмоции на холсте в абстрактном виде.

Моя выставка в «Лавке художника» называлась «Синестезия», в ней многие вещи были навеяны музыкой и названы как музыкальные произведения, потому что это то, чем я занимаюсь всю жизнь.

— Каковы ваши планы на будущее?

— Я только что приступил к репетициям своей новой группы, о которой мечтал лет 15. Это группа, поющая и играющая мантры на современный манер. То есть с рок-н-рольным драйвом и с использованием индийских и рокерских инструментов. Мантры — это не молитвы, в нашем понимании — слова, и они не имеют отношения к религии. Мантры — это имена Бога, которые мы повторяем хором под музыку. Поэтому мы приглашаем на наш концерт всех: христиан, мусульман, иудеев, буддистов.

